

В пользу такого понимания можно было бы привести и упреки Ю. Крижаничу со стороны Конгрегации, а также со стороны загребского епископа Бенедикта Винковича. Эти упреки направлялись по адресу миссионера Юрия Крижанича потому, что он-де посланник Пропанды, слишком много уделяет интереса вопросам национально-политическим и чрезмерно слабо заботится об интересах религиозно-миссионерских, в частности среди балканских «схизматических» народов, к которым был послан Крижанич для борьбы против «схизмы». Этой роли Крижанич не выполнял так, как этого желало его церковное начальство,¹⁵ вот почему в нем так же нам следует видеть скорее национального деятеля и патриота, нежели миссионера и агента римской Пропанды. И с этой точки зрения можно согласиться с оценкой личности Крижанича, данной Ягичем. «Для Рима был он слишком ярко выраженным славянским националистом, в нем признавали огромные дарованья и увлечение миссионерской службой, но побаивались, как мне кажется, его чрезмерно пламенной любви к славянским делам вообще и к русским в частности».¹⁶

Как бы то ни было остается фактом, что Крижаничева концепция общности южнославянских народов в виде его Иллирии, зарисованной в четырех стихотворениях (панегирики 1652 г.), не зависимо от того, возникла ли она в результате сходных стремлений Рима или нет, является своего рода идейно-политической предтечей того достопримечательного южнославянского культурного и политического движения, которое двести лет спустя в «иллирийских» идеях Гая, в равной мере как и в позднейших югославянских замыслах Штроссмаера, будет воодушевлять более передовые хорватские и югославянские умы XIX столетия.

¹⁵ Jagić. Život i rad Jurja Križanića..., стр. 214.

¹⁶ Там же, стр. 214.